

Семья Вертинского сплотилась против обидчиков вокруг жены певца Лидии Павловны.

Имя Вертинского - слишком уж дорого

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

- Анастасия Александровна, вы знакомы с Галиной Липатовой, которой так хочется считаться вашей старшей сестрой?

- Лично я г-жу Липатову не знаю, но эта женщина была всегда. Она всю жизнь присутствовала на всех выступлениях отца с того момента, когда Александр Николаевич вернулся в Россию (это был 1943 год). Внешне ее нельзя было отличить от других почитательниц его таланта, но своей настырностью она выделялась. Звонила домой, добивалась внимания отца, угрожала невероятными сюжетами: то решала кончать жизнь самоубийством, то угрозы раздавались в адрес нашей семьи, что гораздо больше пугало папу. Он ее избегал. А она не унималась.

Впоследствии, когда папа умер, разыгралась новая драма. Моя молодая мама (ей было тридцать с небольшим) в ту пору каждый день посещала кладбище, потому что буквально не могла смириться с тем, что Александр Николаевич ушел из ее жизни. И всякий раз в образе вдовы на могиле заставляла гражданку Липатову. Так из поклонницы последняя превратилась во вдову Вертинского, а из вдовы Вертинского постепенно переродилась в его дочь, и повалились весь этот бред, который вы читали на страницах газеты «Метрополис-экспресс».

По-прежнему хочу сказать, что к Галине Липатовой мы не имеем никаких претензий. По христианским законам человек не вправе осуждать того, кого Господь лишил разума. Хотя это невероятная психологическая нагрузка - выносить всю жизнь такого человека. Но, видимо, наступил момент, когда «желтой прессе» нечем питаться. Для кого-то эта тема показалась лакомым кусочком: взять откопать бедного Вертинского и начать над ним глумиться. И в такой ситуации для меня, конечно, важно не допустить вакханалии на могиле отца. Против бесцеремонности к памяти отца, к живым людям, его знавшим, возстала вся наша семья, все семь человек.

- Была ли хоть тень правды в «сенсационной» публикации?

- Вертинский принадлежал к людям, чей флер - тайный. От недостатка информации про него всегда сочинялись небылицы. Когда вернулся в Россию из эмиграции, отец был несказанно счастлив. Против ожидания многих, Сталин его не убил. И это обстоятельство послужило поводом для целой серии домыслов. Поговаривали, что Вертинский - засекреченный агент разведки. Находились даже те, которые клялись мне, что видели папин золотой бюст в музее КГБ. Или гуляли слухи о том, что Вертинский в Россию привез вагон золота. А в другой раз - не то гречанку, не то турчанку из гарема - в наложницы. Это тоже было неправдой.

- Анастасия Александровна, вас не смущают обвинения в алчности: мол, потомки Вертинского воспользовались случаем и позарились на редакционные денежки для решения своих финансовых проблем?

- Нет. Во-первых, все деньги до копейки пойдут на сохранение наследия Александра Вертинского.

Лет пять-шесть назад я мечтала о кладе. Думала, вот бы хорошо найти миллион: можно было бы папины записи отреставрировать, вернуть людям его голос! Во-вторых, я задумала книгу с его стихами и семейными фотографиями. Это издание заказано очень хорошему художнику - Юрию Куперу. В-третьих, младшее поколение нашей семьи собирает по кадрам видеотеку Вертинского, ведь он снимался еще в немом кино. И мама хочет опубликовать свои воспоминания об отце, о днях их молодости и знакомства, которое случилось волею судеб в Харбине.

Шанхай и Харбин - два места, где было огромное стечение русской эмиграции. Сейчас осталось мало людей, с которыми мы списались, чтобы увидеться и воскресить их воспоминания о том времени. И мама намеревалась

посетить их (еще до этой скандальной истории), чтобы пополнить книгу, которую затеяла. Книга основывалась бы на письмах Александра Николаевича к ней. Этот проект мы все равно осуществим - вне зависимости от того, будет ли иск присужден или нет. А сумма иска действительно немаленькая - чтобы другим не повало было.

- Ваши родители говорили друг другу «вы»? Все-таки тридцать лет разницы...

- Нет, они общались на «ты». Хотя, мне кажется, это не были взаимоотношения мужа и жены в полной мере. Мама испытывала перед ним чувство восторга и благоговения. А она для него была и третьим ребенком, и невидалью. Все, связанное с ней, было для него страшно экзотичным: и то, что вдруг образовалась семья на довольно позднем витке его жизни, и то, что появились две девочки. Он был странник, кочевой человек; домашняя жизнь, собственная клубника с грядки казались ему удивительными. Она была красавица. Вместе они прожили пятнадцать лет. В каком-то смысле моя мама - женщина не от мира сего. После кон-

Папа называл Машу «Солнце в консервах», а меня - «Майская ночь». Про Машу он думал, что если открыть эти консервы, то солнце прямо брызнет оттуда. А я так называлась, потому что, в представлении отца, майская ночь - тиха. Я была тихим человеком. Но тем самым омутом, в котором много что водилось.

чины отца она даже никогда не помышляла, чтобы снова выйти замуж.

- Что вам помнится из детства?

- Папа много ездил. Мы его очень редко видели. В те дни, когда он приезжал с гастролей, вся семья готовилась к празднику. Как в самый настоящий праздник, буквально все откладывалось в сторону. Даже порой не сообщали ему, что мы получили двойки, до такой степени его берегли. Пока его не было, самой страшной угрозой было для нас, детей, что, мол, мы скажем об этом папе. И я трепетала. Меньше всего мне хотелось его огорчать. Каждый раз это было явление чужда. Когда входил папа, мы визжали, мама счастливо смеялась, Лидия Павловна (моя бабушка) суежилась

у плиты, приходили гости: актеры МХАТа, композиторы Богословский, Фрадкин, Константин Симонов, Софья Пилевская - всех не перечислишь.

Папа обожал одежду, которая называлась «халат». У него был мягкий, теплый домашний халат, духи с легким запахом лаванды. И этот лавандовый запах вперемешку с запахом табака (он курил сигареты «Самел») распространялся в квартире с утра, если папа был дома. Он вставал рано, бесшумно умывался, бесшумно принимал душ, так же бесшумно готовил завтрак. Первое, от чего я просыпалась, - все эти едва уловимые запахи и звуки. При папе у нас не было будней. А он любил подметать полы, хотя, как вы понимаете, в доме было кому навести порядок.

Вот с кем действительно был на «вы» - так это с дачными котами, с которыми он не-ве-ро-ятно уважительно разговаривал и сочинял про них всякие истории. Мы, естественно, сидели развешив уши.

Мама тоже была бесспорно талантлива. Она окончила суриковский институт, у нее очень интересные гравюры, а ее работами в кино отец тихо гордился. Когда он смотрел «Дон Кихота» Козинцева с ее участием, то сильно волновался. Звонил из другого города.

- А как вы росли с сестрой?

- Мы были почти сямскими близнецами, хотя Машенька старше меня на полтора года. Такие две неразлучницы. Но совершенно противоположные натуры.

Я страшно ревновала папу к Маше. И он знал это очень хорошо. Поэтому в Машин день рождения я получала точно такую же кукулу, какую дарили ей. Я папу обожала до болезненности. Бывало, в его переписке звучали почти трагические восклицания: «Ну, за что же ты на меня обиделась, я не знаю?! Почему ты не отвечаешь на мои письма?» А я действительно молчала и думала: «Если ты сам не знаешь, почему я на тебя обижена, то я тебе тем более не скажу». При этом причина могла быть самой нелепой, ну, например, что он попросил Машу, а не меня подать ему тапочки.

Ревность к отцу не мешала, однако, мне дружить с сестрой. Потом, после Щукинского театрального училища, которое мы обе окончили, жизнь несколько разлучила нас. Но мы до сих пор тесно связаны, не проходит дня, чтобы мы не общались.

- Ваша популярность не ранит сестру?

- Моя популярность после «Алых парусов» и «Человека-амфибии» в ту пору свалилась незаслуженно, как я считаю. Мы это обе понимали, и сестру моя слава не ранила. И в дальнейшей жизни наши отношения не изменились, потому что Маша по натуре другой человек. Профессия для нее не стала, как мне кажется, тем алтарем, каким она стала для меня. У нас с ней разные условия игры в этой жизни.

Я считала, что все, что мне дано, начиная от личных драм и заканчивая взлетами счастья, дано для того, чтобы я это в каких-то ролях воплощала. И даже радовалась, что сегодня у меня такое горестное чувство в груди: «Вот уж я сыграла Нину Заречную вечером!» А Маша создана больше не для сцены, а для женской жизни. Это тоже очень хорошо.

А мне все равно, есть ли у меня личная жизнь или нет. Однажды давным-давно я сказала «стоп» всем переживаниям. Жизнь и так каждый раз подкидывает что-нибудь. В трудную минуту мне помогает вера. Нужно верить, молиться, посты блести, не делать гадостей - лучший косметический рецепт. Все наше зло на наших лицах. Нужно беречь лица. И друг друга. Я твердо знаю, что ТАМ я обязательно с отцом увижусь и не постыжусь посмотреть ему в глаза.

Александр Вертинский - певец и странник.

Подготовила
Марина АНИКЕЕВА.